

Красота – инструкция к применению

Городская весна

Городская весна обостряет симптомы болезни,
От спокойной зимы замедляются ритмы сердец.
Говорят, витамины и солнце нам будут полезны,
Но короткий февраль - это вовсе зиме не конец.
И, цепляясь за мрачные дни приходящего марта,
Одиночество, черствость, усталость, тревога, тоска
Забиваются красной строкой в медицинскую карту
И в аптечных пилюлях зовут утешенья искать.
Наши мудрые предки, наверное, тоже страдали,
И, должно быть, от этого с первой недели весны
Разрисованных кукол на тесных полянах сжигали
И пекли друг для друга весеннего солнца блины.
И от этого им становилось намного теплее,
Одиночества след уменьшался в размерах своих.
А теперь мы другие и кукол сжигать не умеем,
От того и весна городская больнее других.
Но еще говорят, что болезни, как те же привычки,
Избавляться от них нужно быстро, пока горячо.
Так давай же, вставай! Я пришел за тобой, видишь - спички!
И возьми меня за руку, скользко бывает еще.

Катастрофа

Накрывает город волной,
Этот город не твой и не мой.
Нам не плакать и не страдать,
Это просто картина.
Но сейчас он почти живой,
Безоружный перед бедой,
И, наверное, чья-то мать,
Будет больше молиться за сына.
Чтобы мог я об этом сказать,
Дал художник свои глаза,
Убедитесь, мол, сами.
И в пространстве, где нет таких бед,
Я ищу той волны силуэт,
Вдруг возникнет над нами.

Костер

Сегодня праздник, народ ликует,

Король надменен, но тоже рад.

Костер уложен, и в ночь глухую
Заметен будет из всех палат.
Гостям отдельный помост настелен,
Сосед, хоть недруг, но тоже зван.
Сегодня будут жечь менестреля
За то, что, шельма, был графоман.
Смолой горячей намажут палки,
И будут к крикам его глухи,
А мне, вот честно, немного жалко,
Я сам порою пишу стихи.

Прогресс в культуре расставил точки,
А ведь казалось, еще вчера...
О, как ценили любую строчку,
Кто собирался на свет костра!

Старик

А старик на окне зажигает свечу.
У него, как у всех, электрический свет.
У него есть платежки, талоны к врачу,
И для транспорта свой пенсионный билет.
Он к магнитным привык на подъездах ключам,
И вполне современно прилично одет.
Но зачем же ему восковая свеча?
У него, как у всех, электрический свет.

Восковые слезинки сплетутся в комок,
Он начнет говорить непонятно кому,
“А когда ты отсюда забрать меня б смог?
Много света от лампочек мне одному”.
В доме гасятся окна окрестных квартир,
Постепенно соседи отходят ко сну.

Смотрит он на пылающий свой ориентир,
И огонь от свечи отвечает ему.

О Правах и Котах

Дитрих имеет право на этот стул.
Все уступали, никто никогда не бранил.
Марта приходит засветло, взяв отгул.
Чёрное платье нисколько её не полнит.
Марта имеет право на этот шкаф,
В нем её свитер, кофточка и пиджак.
Марта всегда считала, что больше прав
Предоставляют вещи, что здесь лежат.
Марта погладит Дитриха за ушком,
Марта имеет право на этот акт.
Это сегодня даже и хорошо
То, что она появилась лет пять назад.
На фотографии Кельвин, смеётся им,
Трудно не проявлять свой весёлый нрав.
Старый нотариус должен прийти к семи...
Кельвин уже ни на что не имеет прав.

Красота – инструкция к применению

Бог даёт красоту, убирает "и тени сомнения"
На, ходи с гордо поднятой головой.
А что нет к ней инструкции по применению,
Разбираться придется самой.
Вот уже получается лучше и лучше
Это мир под себя подстраивать. Копит вес
Отвоеванное благополучие
Недоставшееся от небес.
И уже никакому ручному приводу,
Не нарушить привычный ритм.
А глаза - ледниковые два периода,
Могут резать похлеще бритв,
Заставляют быстрее откланяться,
Пресекают любую блажь.
И не может согреть их пламенем
Недостроившийся шалаш.

Весенняя песня

-Давай, просыпайся, уедем, уедем,
Не будем по снегу тужить.
Уже все проснулись: ежи и медведи,
И кружат по небу стрижи.
- Да что говоришь ты, какие медведи?

Какие стрижи и ежи?
- Тогда просто так на край света уедем,
И там проживем свою жизнь.
Свежо и контрастно весеннее утро,
И может любому помочь,
И звери, они поступают так мудро,
Что зиму проводят, как ночь.
- Но мы же не звери, не птицы, которым
Так нужен весной перелет.
Мы счастье свое растащили по норам,
И там оно есть круглый год.
А кто не сумел удержать свое счастье,
Теперь уж лети не лети...
Давай-ка не будем мечтать понапрасну,
Пора на работу идти.

Наш подъезд

В подъезде к крашеным полам прилипли перья,
Поймала кошка воробья,
И вечер весь за приоткрытой дверью
Ждал я.
Спустилась вниз большая стрелка
Настенных кухонных часов,
А в парикмахерской — ручная белка
Бежит, вращая колесо.
В кулинарию послала
За тестом мать,
Но замесили очень мало
— «Не занимать».
На лавочках сидят старушки
И детвора.
И, кажется, что мир был лучше
Ещё вчера.

Зима в деревне

Снег летит, прошлогодний немножко,
Добавляет природе седин,
За окошком соседская кошка
Протоптала к сараю следы.
Гул боёв суеты новогодней
Вдруг оставил родное село,
И сегодня должно быть второе,
Или первое только число?
И который сейчас день недели?
То ли пятница, то ли среда.

И не верится что, в самом деле,
Есть на этой земле города?

Цветочек

Ах вы сани, мои тройки, сизый голубочек,
На окошке в новостройке захирел цветочек.
Что же было, мало света в тех квадратных метрах?
Побросали листья ветки будто бы от ветра.
То ли за стекло проникла зимняя прохлада,
То ли много поливали все кому не надо?
Он молчит и горько плачет, что его так губит?
Вот такая незадача у цветочных судеб.

Детское

Так светло и тихо по утрам,
У кормушки прыгают синички,
У меня пришиты к рукавам
Связанные мамой рукавички.
Беззаботность, суета, покой
Каждому, наверное, знакомы.
Пусть подольше не кричит: "Домой!"
Голос мамы с нашего балкона.
И сейчас охота погулять,
Только кажется, что звонко и упрямо,
И конечно, неожиданно опять,
Позовет обратно голос мамы.

На берегу

В этом море бескрайнем я берег не вижу,
И плыву, понимая вдруг тайну одну:
Ты бесстрашна, и тянешь меня в глубину,
Я тебя зазываю к поверхности ближе.

Ты же выбьешься, станешь русалкой шальной,
Я боюсь, не могу изменить свою суть.
К этой суше привязанный нитью стальной,
День за днем я годами прокладывал путь.

Где-то там есть прекрасный потерянный рай,
В нем не знают, как можно прожить без любви.
Край земли - это моря изрезанный край,
Надоело рассчитывать силы свои.

Я остатки мечты для себя сберегу,
А вокруг, как назло, ни ветров, ни преград.

Мы устало сидим на его берегу,
И жалеем о том, что вернулись назад.

Адам и Ева

Темная комната... Ева включает бра,
Свет проникает через цветное стекло.
Лунный фонарь завершает ночной поклон,
Нашим героям скоро вставать пора.
Ева задумчиво смотрит в разрез окна,
И без нее никак в этот мир не войдут
Старых друзей, проверенных, имена,
Мама, которая верит в её звезду.
Ева заглянет в яблоко - телефон,
В нем список, дел, фотографии этот стих,
Так наполняется жизнью сюжет и фон,
Мира, который крутится вокруг них.
Только они в ответе за этот свет,
Только у них есть ключи от его тепла.
А за окном проглядывает силуэт
Доброй судьбы, что в комнате их свела.

За дверью

Там за прозрачной дверью спрятались в темноте,
Мысли, которым сложно на солнце выйти.
Время, как море, оно выбирает тех,
Кто в бесконечной бескрайности берег видит.
Лучшая скорость вяжется из узлов,
Что там за глыба следует нам по курсу?
Контурные левые жжет аритмия слов,
И отражается в частых раскатах пульса.
Вроде прием настроен - лови волну!
Нет на ковчеге страха и недоверия.
Только бы воздуха чистого взять, глотнуть,
Да невозможно, он прячется там за дверью.

Пятка

Торчала в постели пятка,
Из-под одеяла-неба.
Быть может она хотела
Потребовать зрелищ и хлеба,
А может еще чего-то
Просила и даже взывала,
Нелегкая это работа,
Торчать из-под одеяла.

Вокруг грохотали двери-
Орудия шкафа для платьев,
Был четко шагами измерен,
Периметр прикроватный.
Вползал в окошко дистрофик-
Несмелый солнечный лучик,
Но пятка, она же профи
И знает, что утром лучше,
Лежать и не торопиться,
Торчать вот так исступленно,
И то что должно случиться,
Сбудется определенно.
Такой вот по жизни философ,
В кровати торчащая пятка,
И я без лишних вопросов,
Прикрыл ее для порядка.

Назвать молодцом

Этот мир, что заброшен отцами,
И согрет материнскою жалостью,
Молодцами живет, Молодцами!
Так меня назовите, пожалуйста!
Потому что прилежна и день ото дня
Я готова вылезать из кожи,
Лишь бы рядом идущий поверил в меня,
Чтобы я в себя верила тоже.
Но, похоже, прилежность сейчас не в чести,
И от наших коротких свиданий
По дороге, которой мне нужно пройти,
Разлетается пух ожиданий.

Мотыльковое вино

Ты опять не готова потребовать главную роль,
И упрямо летишь на невнятные кубики света,
А в высотных домах, мотыльков принимают за моль,
Но как все мотыльки ты не слушаешь добрых советов.

И летишь на огонь в приоткрытое кем-то окно,
Покидая цветы безнадежно полынного цвета.
Мир жесток к мотылькам, и поэтому очень давно
Мотыльковым вином отмечает короткое лето.

Этот вкус сочетание наших потерь и страстей.
Он в манящем тепле, он в луне провожающей день.

У летящих на свет не бывает окольных путей
И трепещет в проеме окна мотыльковая тень.

Осень

Быть может все это случайно...

И нет никакого смысла,

В этих, на юг спешащих, сиреневых облаках.

Торжественно и печально

Узкой реки коромысло

Их зацепить не может за ляпочки на штанах.

Осень своей расческой

Каждой коснулась ветки.

Что даже в твоей прическе

Чуть больше ее рыжины.

И просится в каждую душу,

Навязчивой, наглой соседкой:

«Впусти-ка меня, послушай,

И дай там побыть до Весны!»!

Поверить немного грустно,

В туманные перспективы,

А время похоже на чайку,

И может над всеми парить.

Летит и не замечает,

Что снизу застыло русло,

И осень кусок побольше

Мечтает себе отхватить.

И в этом кусочке скрылись,

Не только старые листья,

Верхушки деревьев, крыши,

Частички моих потерь.

Не смог, жаль предупредить я

Привычную смену событий,

И ты оступилась в осень,

И ждешь в ней меня теперь.

Ни ты, ни река с облаками,

Ни осень не виноваты,

Куда ж я без Вас ребята,

Раз выпало по пути?

Над краем стоишь мгновение,

А кажется, что веками,

Осеннее настроение...

Как сложно его нести.

Сашина каша

Саша делает кашу и каша горчит.
Что добавить воды или специй? Возникла дилемма.
Но вполне потребительский и презентабельный вид
Все равно вкусовые никак не решает проблемы.
Много что перепробовал, только опять и опять
Не выходит, увы, образец пищевого искусства.
И стоит у плиты тот, кто зерна не мог выбирать,
Отделяя от плевел, нельзя полагаться на чувства.
У кого-то есть сверху полученный дар
Ощущать перспективы ещё не созревших колосьев.
А на том же верху снимет пробу другой кашевар.
И разбавит дождём безнадежно застывшую осень.

Развязанный плот

Тот, кто развяжет веревки на тесном плоту,
Верит - удобнее плыть на своем бревне.
Только пейзажи теряют свою красоту,
Если грозит перспектива закончить на дне.
Горек ошибок прошлых бесценный груз,
И долговечен, как тот же морской прибой.
Но, время вышло, пожалуй, остановлюсь.
Хватит лелеять вяжущий привкус его

Фотосессия

Девушка в цветах мадонн рафаэлевых
В древнем храме армянской конфессии
Села на лавку для фотосессии,
Свету подставив щеки.
Напряжена и немного рассеяна,
Падает свет по природе рассеянно.
И от сюжета есть опасение
В том, что она одинока.
Или в порядке всё с данной вселенною,
И с постоянной и с переменною,
Нет дефицита внимания?
Только вот кажется, что в этом свете,
Все отступило бизнес и дети.
В мягком его прикосновении...
Мягкий, но глянец стирает уверенно,
И отвечает: "Там много намерено,
Дальше, хорошая, дальше.
Дальше иди, и на жизненном марше,
Уж постарайся без злобы и фальши,

Без сожалений и лени..."
Даже не нужно вставать на колени,
Свет ее сам ограждает от тени.
И она, веря его откровениям,
Смотрит, немного устав.
Он для нее открывает скрижали:
" Как бы там в жизни тебя не прижало,
Так же, вот как ты сейчас, в этом зале
Просто лицо мне подставь".

Старая сказка

Энн-Мари племянница Мати,

С ней Мати не может быть суров.

Даже если ночью впереди,

Рейд у самых дальних островов.

Балуется пятую весну,

Делает из сердца решето.

- Энн-Мари тебе пора ко сну.

- Нет, сначала расскажи про то...

Как из под копыт морских коней

Вылетали пригоршни монет.

И Мати рассказывает ей

Сказки незатейливый сюжет.

На кроватке старый динозавр,

Мех зелёный поистерся весь,

Перед возвращением назад,

Брат купил его в тот самый рейс.

" ...мы с тобой удилищем большим

переловим всех морских коней".

"А мой папа подвиг совершил?"

Совершил, конечно, спи скорей.

Московский дождь

Над городом тучи, над городом грозы,
Спасают от зноя.

Проснулись и машут дубы и березы
Лишенным покоя.

Несутся по улице лишние листья
В потоке бурлящем.

И ты, хорошо, что из дома не вышла
И там во вчерашнем,

Осталась, как, видимо, очень хотела
В погоде приятной.

И после полета пустые качели
Вернулись обратно.

Бежит по бурлящей дорожной лавине
Парнишка с букетом

И так хорошо, что есть место в картине
Для разных сюжетов.

Сотовая связь

Век как лошадь, загнанная в мыле,
Лишь бы не упасть.

Все другие связи заменила-
Сотовая связь.

Хочется подольше не набегом
Без душевных ран

Только поневоле Альтер-эго
Световой экран.

"Помнишь было в этот день когда-то"?

На-ка, посмотри...

И листает прожитые даты
У меня внутри.

И мелькают с фотографий лица
Виды городов

Тех, где не сумел остановиться,
Или не готов.

И уже не ясно в той погоне
Было или нет

Остаётся памятью в ладони
Цифровой твой след.

Перекрестки

Даётся для чего-то в свой черед
И шанс понравиться, и миг расстаться.
Надежда разукрашенным паяцем
Не просто так стояла у ворот.
И доброта, которая внутри
Даётся нам зачем-то, для кого-то.
Как правильно ее распределить,
Не обделив того за поворотом?
Как научиться отпускать в пути
Всех тех кому, твой мир не нужен просто?
И сердца стук для них не ориентир
На этих бесконечных перекрестках...

Исчезающая цель

Солнце греет в четыре накала,
Как спираль путеводная нить,
Я опять разбиваюсь о скалы,
Сквозь которые нужно проплыть.
Стены сходятся с грохотом жутким,
Закрывая дорогу волне.
Где же там пролетела голубка,
Или это пригрезилось мне?
Не бывает дорог без причины,
Без слезы не бывает морей.
И идёт "настоящий" мужчина,
К исчезающей цели своей.

Картинная галерея

Художник мне не нужен быстрый шарж,
Намного лучше море и закаты,
Но тот пейзаж не сделает продаж
На каменной прелюдии Арбата.
Рисуй-ка, лучше розы и шипы
Такие, что достанут до аорты,
И краски красной лей не поскупись,
На режущие кромки натюрморта.
Цветы забыли. Прок от них какой?
Оставим их влюбленным и могилам,
А то, что там творится за душой
Абстракции поведать лишь по силам.
Семейный ужин предвещает боль,
По скорой нежелательной потере,
Случайно кто-то опрокинул соль

На этой завершающей вечере.
Огромный город стал похож на клеть,
На уличное творчество глазей,
Хожу и думаю: " как можно так суметь
Картинную разрушить галерею?"

И опять ей обидно, что весь этот мир таков
Изначально делимый на предателей и дураков,
А что было хорошего, там в глубине веков
И не видно.
Добродетель держит сильней оков.
Сделать правильно , если удел таков - миссия незавидна.
Непростое задание не стареть,
Все ожоги кровные не стереть.
Половина сожжена или треть?
Непонятно.
И в руке плетёная сжата плеть,
У того кто нам повелел жалеть,
В первой части акта.

Контурные карты

Когда переживаний очень много
они мешают выбору пути.
Дорогу к храму трудно из берлоги
Найти.
А возвращаться проще, легче, ближе
В свой тесный дом.
Найду ли выход, что сейчас не вижу
Потом?
Мы заполняем контурные карты
своих начал,
Так много белых мест на старте,
Да и сейчас...
Но с переменчивым рельефом вкупе
Меняюсь сам.
А время гладит ласково и скупю
По волосам.
И убирает внешние орбиты
Чужих планет
Всё то, что так и не было открыто
Меняет цвет.

Старое фото

Старое фото, улыбка.
Мир умещается весь,
Где-то закралась ошибка,
Там или здесь.
Старое фото, нежность.
Радостей прежних пора,
Между страниц, между
Позавчера и вчера.
Старое фото, память,
Лучики от лица,
Где-то пришлось оставить,
Недосмотрев до конца.
Только откинув заботы,
Несколько раз подряд
Тянется к старому фото
Завтрашний взгляд.

Фильм

Я говорю этот фильм про любовь,
Ты говоришь - нет.
В доме напротив, кажется, вновь
Кто-то зажѐг свет.
Стало чуть больше теплых тонов
В Белом Наливе луны,
Где-то рисует звезды Ван Гог
Он одинок, как и мы.
Как через сито падают вниз
Звѐзды, любовь, тоска...
Что-то ударило в мой карниз,
Не разгляжу пока.
Я бы тебе не поверил, но
Ты выбираешь сюжет.
Очень обидно, за то окно,
Где не зажегся свет.

Не расстаться с верой

Как же сложно священнику на Руси
Вроде, божие слово вперѐд неси,
И не жди никакой печали.
Открывай заблудшим дорогу в храм,
И свой пост выкладывай в Инстаграм,
Чтобы праведные не скучали.
Кто же лучше батюшки подберѐт,
Тот огонь, что сможет зажечь народ
И пойти за правдой?
Никому не писано на роду

В наш прекрасный мир приносить беду,
А святым отцам и подавно.
Но всё чаще слышится в их речах
То, что сверху требуют прокричать,
Без тоски и вздохов.
Голиаф стоит не свистит праща,
Почему-то бог повелел молчать
Если очень плохо.
Мир худой не каждому по нутру.
Как в нем выжить и дальше служить добру,
В самой полной мере?
И в одну из горестных тех минут.
У свечей, что матери в церкви жгут,
Не расстаться с верой.

Партия

Король упал, король лежит
Не выдержал обид.
Течение времени реки
Проносится над ним.
Стоит в шеренгу авангард,
Как красная строка.
Но как-то слишком далеки
Надёжные войска.
Так кто-то говорит слова,
А кто-то шепчет: " бей".
Канва сюжета не нова
Для битых королей.
Расставить бы по новой рать,
Но партия, увы.
И те, кто может так сказать -
Безжалостно правы.

Не пиши

Он говорит: "Напишу, обязательно ей напишу,
Что, мол, нашла дорогу к райскому шалашу?
Нет ли печалей, тревог?
А то знаешь, я мог бы...
... да ладно.
Дети здоровы ли, счастливы, крепок сон?
Дружно играют, требуют телефон,
Носятся безоглядно?
Или о том, как тоскливо промозгло здесь,
В голову лезет стихов ледяная взвесь.
Давят, мешают сделать нормальный вдох,

Выдох некстати длинный, но он неплох,
Только б никто не слышал.
Щедрый подарок добрых небесных сил,
Я о таком получается и просил.
Вот и заполнил нишу.
Или о том, что видел тебя во сне,
Если из них есть очередь этот мне
Сбыться... один за вечность".
Только неловкий вопрос вызывает страх,
Так ли ей все это нужно в чужих мирах?
И он не пишет, конечно.

Кара Икаров

Солнца жар пострашнее всех прочих кар,
Он растопит крылья - упадет Икар,
От того заоблачного порыва.
Лучше было перу предпочесть весло,
Лучше было на острове там где зло.
Там, по крайней мере, все были живы.
Пусть не рады, не счастливы, без души,
Пусть считали богатством свои гроши,
Но мечтали под шум прилива.
А теперь останется моря гладь,
А теперь оплакивать и страдать,
Невесёлая перспектива.

Чужие сны

Всегда так кто-то спит, а кто-то снится
В чужую грусть, как в море забегая,
Там, по другую сторону границы,
Сна,
музыка звучит совсем другая.
Она поет как женщина немая,
Стремясь созвучья передать душой...
По топкому пути
я шел
В твой сон, чтоб отпустить дыхание,
И сеть обетов наших расплести...
Того, кто так решается прийти,
И мысли потревожить на прощание,
Не остановит прикроватный свет,
Таблетки, или что-то в этом роде,
И у судьбы не выпросишь совет,

Как дать покой тем, кто во сне приходит.

Проклятие для поэтов

Вот только ему неизвестно это,
Хотя дано абсолютно точно:
Любовь - проклятие для поэта.
Не надо б уже проверять на прочность.
Но твёрже рифмы и выше пламя,
Когда сгорают святые чувства.
И кто-то вновь подбирает знамя.
Тоску свою передать в искусство.
Пусть режут строчки немые губы
И ранит душу канва сюжета.
За это, видимо, мир и любит.
Когда несчастливы в нем поэты.

Приход весны

Вот голова опускается на плечо,
Вот мою руку ищет твоя рука.
Прикосновением лёгкого ветерка,
Каждая ласка помнится наперечет.
Чувствуешь этот огонь и его тепло?
Он поднимается из глубины на нас,
Хочется верить что наконец повезло,
Счастье своё вот так разглядеть в анфас.
Не отпустить, а обнять, разрывая сны,
Шаг за шажком, выстраивая маршрут.
А на поляне заснеженной кукол жгут,
Те, кому очень важен приход весны.

Разные стрелы

Если по сердцу дело, то все нипочём,
Пусть от ноши с утра очень тянет плечо.
Но работы остался непочатый край
Выбирай, молча целься и метко стреляй.
Вечеринки, спортзалы, концерты кино,
Все места для засады он знает давно.
Но когда мы столкнулись всего ничего,
Две стрелы лишь осталось в колчанах его.
Мне достался огонь, у тебя в сердце лёд.
Впрочем, это неважно кто их разберёт.
У него же работа, он так не со зла,
Только ранит больнее чужая стрела.
Но закон разных стрел он придумал не сам,
Беспощадный, глумливый стрелок по сердцам.

После зимы

С утренним солнцем зима не в ладах,
Все на "своя" возвращается "крУги".
Чтобы теплее жилось в холода,
Люди тянули руки друг к другу.
Щурясь теперь на вернувшийся свет,
Кажутся дальше стоящие рядом,
И перспективы туманный эффект
Плавится под независимым взглядом.
Так что невольно грустишь по зиме,
Что ж ей ещё не продлиться немножко?
И очень горько чувствовать мне,
То, как твоя ускользает ладошка.

Старая мебель

Этот старый диван, как бездонное синее море,
Выход в космос на нем это тоже в порядке вещей.
И услышать сквозь сон, как у двери родители спорят,
Спит ли сын и спокойно ль ему на душе?
Море высохло, космос закрыт, свозят старую мебель.
Не прижившийся в детстве, увы, вырастаешь и ты...
И теперь всё понятно давно, где есть быть, а где небыль.
И лежат на плите очень даже живые цветы.

Черно-белая весна

Эх, весна - чёрно-белые полосы,
Перемен истонченная нить.
Объявляет охрипшим голосом,
Остановку, где мне выходить.
Не разбавишь ни хмелем, ни солодом
Ни потерь неизбежных в пути,
Ни сквозь пальцы идущего холода,
Что не можется перенести.
Ты с улыбкой поправишь волосы,
И останешься дальше жить.
Эх, весна - чёрно-белые полосы,
Перемен истонченная нить.

Дверь

Мы вчера не прошли сквозь закрытую дверь.
- Как она открывается?
- Первым проверь
И не нужно другого за это бранить,
Если это твоя путеводная нить.

И порхает смычок
И мелькает волчок
Но за дверью стоящему всё нипочём.
Ведь никто ни к кому не пойдет на поклон,
Так и ждут, подошедшие с разных сторон.

На ковчеге

Я умею спешить, я могу...
Но, увы, опоздал, на ковчеге отдали швартовы.
Одиноко стою на своем берегу,
Горизонт, разбирая на атомы снова и снова.
То что Ной выбирает лишь пары- красивый обман.
Он глядит краем глаза, чтобы были довольные лица.
Так и я, улыбаясь, смотрю на седой океан.
Вдруг ты ищешь меня среди тех, кто успел погрузиться.

Не пара миров

Что-то у наших миров не сошлось,
Не закрутились на ближних орбитах.
Чьих-то шептаний мелкая дрожь
Татуировкой у сердца набита.
И ты этот старый эскиз бережешь,
На расставания тратя все квоты.
Что же там будет у нас впереди,
Если все то, что мешает полету,
Хитрою вязью сложилось в груди?
Так, разбирая карты узор,
Делает шаг заблудившийся путник,
Но на орбите оставшийся спутник,
Снова ему закрывает обзор.

Ангельская зависть

В далёкой жизни доброй и убогой,
И правильной в отсутствии другой,
Рассказывала бабушка о Боге,
Об ангеле, смотрящем за душой.
"Родится человек, а в продолжении
Тот ангел, что хранитель жизни нити,
Им нет другого способа рождения,
Иной цепи развития событий.
И если будешь добрым и послушным,
Проводит он тебя к воротам рая,
А сам уйдет так принято, так нужно,
Небесных войск отряды пополняя".
Я, засыпая, видел их фаланги,
И обижался, может даже слишком,

"Ну, почему я не бессмертный ангел,
А просто человеческий мальчишка"?
Другие времена, другие нравы,
И вера тоже всё равно другая.
Пусть тот кто скажет- нет и будет правым,
Не придирается, меня не понимая.
А может быть на самом деле важно,
В течение этой жизни беспримерной,
Что счастье получаем, мы однажды,
Лишь перестав завидовать бессмертным?

Эпиляция

Эпиляция ...не спеши,
Объявить то, что тема не выше сапог.
Это правило жизни и крик души
Обречённой перепрыгивать свой порог.
Разбросав каждодневных проблем суету,
Поднимаясь все выше над гнетом вещей,
Разрешает женщина себе красоту,
Та послушно идёт вместе ней.
И у них уверенный шаг,
У них на душе всё - ок.
По-другому нельзя никак,
Все шаги начинаются с ног.

Боливар

А Боливар не выдержал двоих,
Теперь он скачет по свободе прерий.
Амиго избегайте суеверий,
Свобода это худшее из них.
Пойдёмте лучше в городской кабак
И выпьем огнедышащего пойла.
А Боливар с тоской вернётся в стойло,
Поскольку получается слабак.
И дело даже не в числе поклаж,
И не фасоне сёдел одиночных,
Такая романтическая блажь
Порой подкарауливает ночью,
Сердечную подкову разогнет,
Что лопнет та, не выдержав накала.
Но мы себе поможем, где бокалы?
И очень важно не забыть про лёд.

Старые гаражи

Старые гаражи

Вдоль пустыря стоят.
Где-то проходит жизнь
Быстрая как моя.
Так разбежался и...
Не завершил прыжок.
Новые виражи
Спрятались между строк.
Столько дорог вилось
Вдоль одного пути
Только и вкривь и вкось
Проще маршрут вести.
Наших надежд ножи,
Памяти липкий яд,
Старые гаражи,
Вдоль пустыря стоят.

Последний карнавал

А она не любит свои упускать права,
Да и он воитель уступки ему не в чести
Это будет последний солнечный карнавал,
И потом разойдутся фрегатами их пути.
А почти уж достроили башню под облака,
Но, увы, отчаянно рушили тот закон:
"Кто не знает общего языка,
Из груди своей исторгает стон".
Она платье наденет удачной такой длины,
Будет хищная маска ее завершать наряд,
Чтобы лучше врываться в желания, явь и сны,
И воителям, и строителям всем подряд.
А когда в карнавальном толпе их друг к другу прижмут,
Корабли салютуют и дальше идут напролом.
Только не был бы жалобным тот салют,
Остается только Бога просить о том.

Свидание

Она просит его "Не целуй, это путь ко дну,
Что бы ни было, не нарушай границу.
Я так очень однажды хотела влюбиться,
Что теперь не находится веры ещё на одну"
Он не хочет её отпускать из своей машины,
Ждет, что в вполборота коснется плечом,
И конечно, согласен, что в мире козлы-мужчины,
Только он непричастен к этому и не причем.
А на улице ветер, потрогает легкое платье,
Приглашает на танец и в паре готов вести.

Но уходят всегда, те, кто мог бы надолго остаться.
И всегда остаются, с которыми не по пути

Потухшие костры

Я прошу тебя, спой, пока в небе рассвет не алеет,
И пока тишине сил хватает на временный мир.
У потухших костров мы быстрее мудреем, стареем,
И на картах спешим поменять пограничный пунктир.
Мы великих побед добиваемся в малых сражениях,
А великим героя считаем по громким речам.
Если вдруг повезет, ожидает домой возвращение,
Но оно непременно окажется к этим кострам.
Я прошу тебя, спой, незаметно, недолго, негромко,
Чтобы знать для чего затерялся я в этом строю.
А с другой стороны кто-то перебирает винтовку
И готовится встретить мятежную душу мою.
Хорошо, уходя, сделать мир веселей и чудесней,
Чтобы память осталась на долгие несколько лет.
И последних минут, что всегда проводить лучше с песней,
На земле остается дождями поеденный след.

Пыльные стихи

Темы самых хороших стихов
Покрываются слоем пыли.
Дай мне боже таких грехов,
Чтобы вы меня не забыли.
Чтобы в гордости и суете,
Оставляя и покоряя
Находили дороги те,
Что уводят от острого края.
И листая дневник скупой,
Вспоминая его сюжеты,
Помолились за тех, кто шел
Вместе с вами по жизни этой.

Об одном неофициальном празднике(14.02)

Он не наш ни по делам, ни по годам,
Он пришел с тлетворного запада к нам.
«Наберут чего попало извне,
Что своих хороших праздников нет?»
И психологи нам что говорят?
«Это стресс, это болезнь, это ад.»
Почитателей им вторит галдеж:
"Распустилась у страны молодежь..."
Как же здорово в едином строю

В умных мыслях прятать немощь свою!
Что для споров актуальных нет тем?
День строителя вот тоже не всем.
Или донора, попробуй, смоги,
Кровь свою отмерить людям другим...
А посмотришь на толпу и до слёз:
Из зелёных, желтых, красных волос.
И придумаешь какой-нибудь стих.
Пусть подольше праздник с каждым из них
На страницах ежедневников будет.
Пусть приносит и любовь и весну,
Пусть не все меня поддержат, поймут,
И осудят, как положено людям.

Музыка

Когда идёшь не закрывая двери
И слышишь музыку, звучащую вослед
По мере удаления, по мере...
Все ближе наклоняешься к земле.
Уже ползешь, сбивается дыхание,
Не различаешь ни ночей ни дней,
И только звуки давят тяжелей
У музыки звучащей на прощанье.

Вокруг нас

Если ты хочешь стану свечой,
Той, что разгонит мрак,
Эхом я помню наперечет,
Каждый навстречу шаг .
Эта дорога которой идем
И называется - рай.
Видишь на ней мы с тобою вдвоем,
Только не умолкай.
И разреши мне быть эхом, свечой,
Нас по дороге вести,
И обопрись на мое плечо,
Если устала идти.
Только, пожалуйста, не забывай,
Тот кто горит - тот слеп!
Он не всегда разглядит, где край,
И иногда нелеп.
Пусть бесконечен пути пунктир,
Но посмотри сейчас,
Новый вокруг образуется мир,
Созданный ради нас.

Бескрылые птицы

Остров имеет границы,
Выйти за них невозможно.
Трудно бескрылым птицам,
В промыслы верить божьи.

Не поднимают крылья
Тело к воздушным замкам,
И от такого бессилья
Птицам себя жалко.

Вот бы навстречу ветру,
И над обрывом стаей...
Несколько грешных метров
Нас от мечты отделяют.

К мокрым камням прилядась ,
Ждем чудеса у моря,
Если сдержался радость,
Если сорвался горе.

Сумрачных дней вереница
Сном бесконечным тает,
Снятся бескрылые птицы,
Тем, кто во сне не летает.

Командировка

Аэропорт, разводные мосты,
Город застыл в окне,
Город, в котором возможно ты
Думаешь обо мне.
Город надежд, город юных дней,
Светит огнями в стекло,
И от далёкой улыбки твоей,
Даже в Самаре тепло.
Чтобы никто в этот день не замерз,
Несколько раз подряд,
Тысячу этих далеких верст,
Твой пробегают взгляд.

Черновик

Не пиши, художник, прошлое не поймут,
Оживут сюжеты, пожнешь сполна:
На наброске, сделанном в пять минут,

Скрыты краски старого полотна.
Выбираешь тщательно новый холст,
Всё впервые набело, тишь да гладь,
Только память, словно разбитый мост,
До опор разрушенных не достать.
И чего ни выдумал новый век,
Чтоб стирать, замазывать и крушить;
Черновик набрасывал человек,
Растянув случайно длиною в жизнь.

Идущий к воде

Идущий к воде никогда не предаст свою цель.
Собьется, возможно, с путей,
Будет бит и обруган,
Его гонит жажда - строжайшая из судей.
Она не позволит ему продвигаться по кругу.
Кто знает об этом не с чьих-то рассказанных слов,
Не с ветхих страниц набивающих мудрую книгу.
Тот, молча сойти и всегда дать дорогу готов,
К заветным ключам впереди пропустить торопыгу.
Но ты грациозна и знаешь дорогу к ручью.
Проходишь тот путь, не позволив себе лишней спешки.
И я, ожидающий отклика, грустно смотрю
Как ты удаляешься, лишь на секунду замешкав.

Валентинка

Февралень обуял, обездвижил, окутал,
И заботливо под ноги шлет гололед.
День чуть-чуть просыпается раньше как будто,
Что-то вызреет, выстрелит, произойдет.
По гусиной тропе семенящим конвоем,
Мы торопимся, чтобы тропа привела,
В те дома где в итоге останутся двое,
Для которых февраль не имеет числа.
И в оконных эскизах седой февралени,
И в метелях стирающих город с лица,
Им мерещатся майские ветки сирени,
И они посылают друг другу сердца.
Я тебе нарисую его на картонке,
Чтобы ты осторожно его понесла.
Пусть все видят и знают, что это девчонка,
Для которой февраль не имеет числа.

Пятка

Торчала в постели пятка,
Из-под одеяла-неба.
Быть может она хотела
Потребовать зрелищ и хлеба,
А может еще чего-то
Просила и даже взывала,
Нелегкая это работа,
Торчать из-под одеяла.
Вокруг грохотали двери-
Орудия шкафа для платьев,
Был четко шагами измерен,
Периметр прикроватный.
Вползал в окошко дистрофик-
Несмелый солнечный лучик,
Но пятка, она же профи
И знает, что утром лучше,
Лежать и не торопиться,
Торчать вот так исступленно,
И то что должно случиться,
Сбудется определенно.
Такой вот по жизни философ,
В кровати торчащая пятка,
И я без лишних вопросов,
Прикрыл ее для порядка.

Точка зрения

Что-то останется там, во "вчера",
Так и ненайденным, "неизвестным",
Просто "сегодня" такая пора-
Не для всего в ней находится место.
Есть "постоянная" - точка угла
Зрения, но продолжения линий
Нас поднимают из-за стола;
И заставляют идти вслед за ними,
Переходить через камень и в брод,
Непонимание, ссоры, обиды.
Трудно держать над тобой небосвод,
Если ты хочешь подводного вида.
Зря мы мечтаем о чем- то взамен,
Нет в продолжении жестов просящих,
И для вчерашних незыблемых стен
Сложно пожертвовать днем настоящим.
Даже с ненастным, простуженным днем
Сложно расстаться, как с донорской кровью,
Руки, которые держишь на нем-

Руки, протянутые к изголовью.
Снова неровные кромки игла
Соединяет как две половины.
От неизменной точки угла
Зрения... и в продолжение линий.

Газетка

Я пыхчу довольным паровозом,
У меня кипят эмоции внутри.
Веточек купил тебе мимозы,
И несу в газетке целых три.
Там в колонках хроники Майдана,
Крыма, что вдруг резко стал за нас,
Там наш президент сказал: "айда на..."
А потом добавил: "не сейчас".
Пишут там, что будет нам не сладко,
А возможно нестерпимо горько,
Проводить нам отпуска в палатках,
Вдалеке от стран большой семерки.
Пишут что-то об олимпиадах,
Правду чистую о "лучших" из народа...
Только знаю, что ты будешь рада
Моему скорейшему приходу.
Скомкаю газету перед дверью,
Чтобы в месте, где живем мы вместе,
Все осталось в мире и доверии,
Без наветов ханжества и лести.

Глиняные человечки

Лепит из пластилина
Скалы, поля и горы,
синей реки долину
и водопада гроздь.
Я тебя не оставлю,
я тебя не покину,
я создавал картину,
чтобы тебе жилось.
Мальчик, дите, ребенок
вылепил человека;
лепка людей - искусство,
жертвенность и талант.
Не пожалеть силенок,
не позабыть про чувства,
чтобы не стал калекой
вылепленный атлант.

Мягкая это порода
тает, так быстро тает,
прямо в руках, бывает,
проистекает жизнь.
И создается природа,
и называется раем,
но и из этого рая
кто-то зовет: «Сбежим!»
«Они же такие живые»,
слышен довольный шепот.
«Они же такие родные...
Что для них сделать, что жЕ?»
- Хочешь, сынок ,попробуй,
смело бери мою глину.
- Нет, мне твой глиняный опыт,
Кажется, не по душе.

Точка времени

Всё служит времени покорно
И красота, и мысль, и эти строчки.
И жизнь, которая обманчиво просторна,
Когда-нибудь сжимается до точки.
Но автор пишет и его душа,
В стихотворении растоплена, и фразы,
Вот так вот постепенно раз за разом
Расскажут посвященным не спеша.
О том, как много или мало смысла,
В душе той самой, что сейчас зависла
Причудливым рисунком беглых строк,
Что он сдержать внутри себя не смог.

Унисон

Снег с дождем в унисон,
Этот вечер рожден
На короткую жизнь,
А не годы.
От желаний моих,
Безнадежно простых,
Непогода
Стоит, непогода.
Снова рвется тетрадь,
И теперь
Догонять
Ледяные осенние воды.
Тяжело находить,

А потом отпускать
На свободу
Прожитые годы.
Среди сотен путей,
Выбирая ничей,
Мы идем, удаляясь от света.
Ведь для двух человек
Быть как дождь
И как снег...
Остается,
Раз кончилось лето...

Под занавес

Под занавес становится ясна
Извилистая линия сюжета.
Уже не так пугающе цена,
Случайно перепавшего билета.
Привычки, твердой ставшие корой
Способной защитить от этой жизни
И образов скупые атавизмы
В опухшей памяти рождают мысль рой.
Я вижу все нюансы - я герой
Из зрителей перехожу в актеры.
Пришедшие отставить разговоры
Вас слишком мало для души одной.
И перебор для одного закона
Я расскажу все понятное мной...
Но скоро занавес и выход на поклоны.

Транзиты

Убегает суть,
я куда-то лечу опять.
Самолёт - не путь,
Только средство быстрее сбежать.
Оказаться над миром хотя бы на краткий миг,
Чтобы жгучий огонь из жалости не возник.
Из рассыпанной соли
Кочующих облаков
Возникают бемоли,

Понижая напев стихов.
И большие корыта
Разбитых внизу столиц,
Оставляют мне лишь транзиты
Случайных лиц.

Стук колес

«Случилось, отпускаю, уходи
В отчаянье своих противоречий.
Ты сам мне говорил, что время лечит,
Я больше не собью тебя с пути...
Возможно, что за хрупкостью стекла
Вдруг покажусь надменной и капризной,
Но я за эти месяцы сожгла,
Наверно, все несчастных девять жизней.
Теперь не оттолкнуть, не потерять,
Но никогда уже не прикоснуться,
Не я, а просто холод октября
Тебя заставил в этот миг проснуться...
Как хочется не стать твоим врагом,
Приманкой ли, ловушкой, где-то между,
И от себя самой тебе тайком
Не подавать сомнительной надежды.
Так хочет осень листья у берез
Спасти под мягким, снежным одеялом...»
Она еще бы многое сказала,
Но он уже лишь слышал стук колес.

Переправа

Ваши пальцы утонут
в моей руке.
Я не знаю законов,
по которым нам вместе жить.
Но в отчаянья миг
мы спешили к одной реке,
Понимая вдвоем,
Будет проще ее переплыть.
И пока мы плывем,
И наш плот не попал
на мель.

Мы в порыве святом
отпускаем друг другу грехи.
Как же это назвать?
Да, наверное, просто живем,
И не знаем, что будет на том
берегу реки.
И уже никого
на земле нет роднее нас,
И уже громче окриков
слышится сердца стук.
Только не отводи
этих преданных добрых глаз.
Только не опускай
мне навстречу протянутых рук.

Уголек

Рассказ девушки
Наши чувства уперлись в какой-то порог.
Перепутались мысли мои,
Я пытаюсь, согреться о тот костерок,
Что ты помнишь, мы вместе зажгли?
Ты то злишься и хочешь его затоптать,
То в углях раздуваешь огонь.
Я устала надеяться, ждать и страдать
В ожидании лучших времен
Может все еще будет? И срок не далек
От любви до счастливой любви,
Потому я, дуреха, храню уголек,
И прощаю упреки твои.

Дождь

Холодно, закрываю окошко,
То ли дождь навевает печаль
То ли память проводит бомбежку,
Ей на это снарядов не жаль.

Метит самым своим дальнобойным,
В недобитое что-то опять,
Но тоскливо уже, а не больно
Привыкаешь глаза открывать.

Отпускаешь от сердца слова,
И они неестественно ломки,
Но на склонах глубокого рва,

И на дне самой теплой воронки,
Вот уже вырастает трава,
И скрывает от взгляда обломки.

Прощание

Зеленый поезд, стеклянный вокзал
И сумка с моим барахлом.
Как жаль, что ты главного не сказал,
И не поделился теплом.

И вот я шагнула за тот порог,
Который не стал родным.
А ты и не понял, как был жесток,
Смешным эгоизмом своим.

Я в тамбур тебя позову, впусцу,
Вновь гляну в твои глаза,
А слезы сейчас я себе запрещу,
И то, что хотела сказать...

Зачем я? Куда эти рельсы ведут?
Закрыта купейная дверь.
«Похоже, нигде тебя, Лена, не ждут»-
Отчаялась я теперь.

А счастья рецепт так наивен и прост,
И так недоступен всегда.
Но стуком колес и мельканием верст.
Умеют лечить поезда.

Якорь

Немало времени пробежало,
С тех пор, когда выбирали сами.
Ты захотел себе роль штурвала,
Мне же досталось быть парусами.
Я раскрывалась, я хлопотала,
И жаль, конечно, но вдруг устала.

От штиля много тоски и боли,
Поникший парус висит безвольно,
Мы выбираем другие роли,
И на мгновенье опять довольны.
Опять в движении, по крайней мере,

Но вольный парус, зачем галере?

Не зная лоций, не веря звездам,
И даже больше не веря чувствам,
Так осязаемо слово «поздно»
И это слово у нас по курсу.
А выбор есть и опять двойкий,
Ты будь чем хочешь, а я ... я якорь...

Разговор в купе

Вы меня извините, но в ваших глазах печаль,
Я столько грусти в глазах не встречал до сих пор.
А проводница в купе нам предлагает чай,
Не понимая, что чай не под наш разговор.

Это надо же было так спрятаться между страниц,
Затеряться в той книге с закладкой на нашем столе.
И смотря на дрожание ваших чудесных ресниц,
Я опять понимаю, как грустно на этой земле.

Грустно ранней весенней порой возвращаться домой.
Грустно слепо заботясь о ближних, мечтать о любви.
И ни с кем, никогда, ни за что, не делиться мечтой,
И я верю, что Вы как всегда безнадежно правы.

Рано поняли мы, что нам дали короткий надел,
Словно глупые белки вцепились в колеса свои,
Да, возможно я в жизни не так уж и мало успел,
Да, весьма вероятно, немало успели и Вы.

Я себе удивляюсь, как я неожиданно смел,
Просто очень мечтательны Вы в полусвете окна...
И простите меня, я Вам в душу залезть не хотел
Мне пора выходить, вон и крыша вокзала видна.

Прости

За то, что иногда я был скупым и черствым,
В тревожной темноте не разводил огня,
Что докучал порой бессмысленным упорством,

Пожалуйста, прошу, за все прости меня;
За то, что не согрел, отбросив равнодушие,
И холод фраз моих мог больно обжигать.
Я снова уходил, как раз когда был нужным,
Пожалуйста, прости, прошу тебя опять.
За ложь и суету, ненужные сомненья,
За массу мелочей нелепых и пустых,
Особенно прошу простить за те мгновенья,
Когда я знал слова, но глубже прятал их.
За дерзость и корысть в заманчивой оправе,
За то, что скучным был и заражал тоской,
За то, что иногда я вовсе был не вправе
Волненью подвергать и нарушать покой.
С последнею строкой вздыхаю обреченно,
Вдруг что-то позабыл и тороплю финал,
Прости, что говорю все это в «день прощенный»,
В любой другой бы день я снова промолчал.